Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра археологии и исторического краеведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП
доцент, канд. ист. наук,
_____ Ж.А. Рожнёва
«17» 06 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Целева Полина Ивановна

Руководитель ВКР
канд. ист. наук, доцент
_____ О.В. Зайцева
подпись
«10» июня 2019 г.

Автор работы
студент группы № 031506
_____ П.И. Целева
подпись

Томск-2019

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена исследованию роли антропоморфных личин в погребальном обряде населения Западной Сибири в эпоху средневековья. Всего исследуется 21 находка из 5 уникальных археологических памятников. В раннем средневековье (V-X вв.) антропоморфные личины известны в Томском Приобье в Тимирязевском-I курганном могильнике, в Нарымском Приобье в могильнике Рёлка, в Сургутском Приобье в могильниках Сайгатинский-III и Барсов Городок (Барсовский-I). В развитом средневековье таких находок обнаружено не было. В позднем средневековье (XV-XVII вв) находки антропоморфных изображений обнаружены только в могильнике Нарымского Приобья - Бедеревский Бор-II. Всего исследуется 21 личина и контекст их обнаружения.

Во введении рассказывается о целях, задачах и актуальности данной работы. Указываются хронологические и территориальные рамки, а так же методы исследования, которые были использованы в работе.

В первой главе речь идёт об археологическом контексте обнаружения антропоморфных личин, а так же делается попытка анализа изученного материала.

Во второй главе описываются этнографические аналоги, а так же выдвигается основная версия ответа на вопрос об интерпретации роли антропоморфных личин в погребальном обряде средневекового населения Западной Сибири. Антропоморфные личины в погребальном обряде средневекового населения Западной Сибири выполняли известную по этнографическим свидетельствам роль «иттарма» - вместилище одной из душ умершего – и являлись составной частью ритуального двойника покойного. Контекст нахождения всех рассмотренных антропоморфных личин и «кукол» с личинами однозначно указывает на то, что они были преднамеренно захоронены на территории могильников.

В заключении рассказывается об основных выводах исследования, а так же делается попытка показать дальнейшие формы развития работы.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ **3**
ВВЕДЕНИЕ **4**
1 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОЖДЕНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ЛИЧИН **11**
1.1 Раннее средневековье. Нарымское Приобье. Могильник Рёлка 11
1.2 Томское Приобье. Тимирязевский-I курганный могильник 13
1.3 Сургутское Приобье. Сайгатинский-III могильник и Барсов городок (Барсовский-I) 18
1.4 Позднее средневековье. Могильник Бедеревский Бор-II 22
1.5 Анализ археологического контекста 24
2 ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОМРФНЫХ ЛИЧИНАХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ **26**
2.1 Функции антропоморфных личин в этнографической действительности 26
2.2 Интерпретация роли антропоморфных личин 32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ **37**
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **40**
ПРИЛОЖЕНИЕ А **43**
ПРИЛОЖЕНИЕ Б **51**

ВВЕДЕНИЕ

Проблема познания древних религиозно-мифологических представлений, связанных с таким важным индивидуальным и общесоциальным феноменом, как смерть, продолжает привлекать внимание исследователей, в том числе археологов, обычно имеющих дело с древними погребениями и прямо заинтересованных в адекватном понимании исследуемых памятников. Погребальные памятники являются наряду с поселениями основными археологическими источниками, поэтому проблемы анализа погребального памятника, его интерпретации и реконструкции обрядового цикла предстают в археологии как одни из важнейших. К тому же, исследуя материалы погребальных комплексов, как ни странно, мы получаем больше информации относительно жизни умерших, нежели относительно их смерти. Ведь по этим материалам можно узнать о производстве, торговых обменах, степени развития военного дела (и прочее) в обществе, к которому принадлежали погребенные. Таким образом, в условиях огромной источниковедческой базы, накопленной к нашим дням, изучение погребального обряда не может не оставаться актуальным. Кроме того, *погребальный обряд* – это единственный из обрядов жизненного цикла, который можно археологически зафиксировать.

Нередко в публикациях, посвящённых погребальным практикам и их понимаю, отмечается терминологический разнобой. Особенно «вольно» трактуются такие базовые понятия, как «погребение» и «погребальный обряд». Нередко они отождествляются; иногда в процессе исследования происходила «подмена» - говоря о погребальной обрядности, в действительности имели в виду элементы структуры погребальных памятников, и т.д.

Под *погребальным обрядом* предполагается цикл намеренных действий, направленных на изоляцию умершего индивида от общества в процессе подготовки и совершения захоронения тела и являющихся реакцией общества на смерть индивида.

Первый этап этих действий может протекать ещё при жизни человека (например, сооружение погребального комплекса и другие прижизненные приготовления к смерти). Посмертное обращение в археологической литературе традиционно представлено тремя обрядовыми циклами. Видится удачной схема посмертного обращения, предложенная Ю.А. Смирновым, в основе которой лежит трехчленная структура[1]:

[1] Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М., 1997. 297 с.

- предваряющие обрядовые действия. На этой фазе манипуляции с трупом протекают по одному из двух главных направлений: сохранение тела умершего (посредством разнообразных способов его долго- или кратковременного сберегания) и уничтожения тела умершего (рассечения, расчленения трупа, кремация и проч);

- завершающие обрядовые действия. Таки действия могут вести к *сокрытию* умершего (то есть к его изоляции в замкнутом пространстве, в результате чего создаётся погребение) или к такой форме, когда тело умершего не погребается, а остаётся в среде живых или устраняется, что приводит к выставлению трупа;

- последующие обрядовые действия. Они связаны с поминальной фазой, проводимой уже после захоронения тела (сюда относят поминки, тризны и другие ритуалы).

Специфика погребального обряда заключается в том, что он может одновременно сочетать в себе черты рационального (например, изоляция умершего в целях гигиены) и иррационального (создание погребального сооружения, отправление с умершим в могилу ценного сопровождающего инвентаря и проч). Предполагается, что в основе иррациональных действий лежат в большей степени идеологические представления, в основе рациональных – практические. Таким образом, обряд предстаёт в двух сферах – идеологической (содержание обряда) и практической (его форма)[2].

В каждой культуре люди по-разному обращались и обращаются с телом умершего. Существую разные способы погребений, типы, разные погребальные сооружения, разные обряды, разный сопроводительный инвентарь. В число сопроводительного инвентаря как раз и входят *антропоморфные личины*, являющиеся предметом исследования. Исследуемая *территория* - Западная Сибирь, географические рамки которой следующие: на западе Западная Сибирь граничит с Уральскими горами; на востоке – с Среднесибирским плоскогорьем; на севере – Карским морем (Северный Ледовитый океан); на юге – Казахским мелкосопочником.

Исследуемый *период* – средневековье, хронологические рамки которого определяются V-XVII вв. Эпоху средневековья в Западной Сибири можно разделить на три больших периода – раннее, развитое и позднее средневековье – и четыре этапа.

Первый этап – V-IX вв. Характеризуется дифференциацией археологических культур, возникших на месте бывшей кулайской общности и непрочных объединений гунно-сарматского мира. На данном этапе возникает ряд культур – нижнеобская, потчевашская, рёлкинская, верхнеобская, прииртышских кимаков и алтайских тюрок.

[2] Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология, 1993. №3. С. 78-93.

Наступившая относительная стабилизация после бурных миграций эпохи раннего железа дала возможность интенсивному развитию экономики, общества и формированию устойчивых этнических образований.

Второй этап – IX-XIII в. Характеризуется, с одной стороны, развитием старых культурных традиций, с другой – сложением новых субстратных культур, возникших в результате активного проникновения в лесостепные и лесные районы Западной Сибири различных тюркоязычных этносов. В это время в Нижнем Приобье переживает последний (кинтусовский этап) нижнеобская культура, продолжившая автохтонные традиции, на территории Томского Приобья возникает культура, родственная сростинской и кыргызской, включившая местные традиции. Такую культуру так же называют басандайской.

Третий этап – XIII-XV вв. Связан с началом монгольского завоеваний и включением значительной части Западной Сибири в Сибирское ханство. В таёжных и тундровых районах характеризуется появление угорских и самодийских этносов. В степных и лесостепных районах существовали культуры различных групп тюркоязычного населения. Рост производства, сложная политическая обстановка ускорили процесс образования государств у западносибирских татар – Тюменского, а затем и Сибирского ханств.

Четвёртый этап истории населения Западной Сибири начинается с конца XVIв., когда оно вошло в состав Русского государства. Он характеризуется ломкой местных культур и включением их в орбиту общего социально-экономического развития феодального государства[3].

Среди сюжетов и образов искусства в целом особое место по своей выразительности и эмоциональной значимости занимают изображения человека, которые проявляются в абсолютно разных формах. В искусстве палеолита, например, они занимают второе место по количеству памятников, уступая лишь образу зверя. В данной работе образ человека представлен в виде *антропоморфных личин*.

Личина – это изображение человеческого лица. Как такового обобщённого труда по данной тематике (если брать период средневековья) нет. Существует много статей и работ по отдельным находкам, по отдельным памятникам. И делая те или иные выводы, учёные, как правило, опираются лишь на тот материал, который был ими добыт в ходе археологических работ, на собственную интуицию и по большей части на этнографию.

Поэтому *актуальность* данной работы и состоит в том, чтобы обобщить весь

[3] Западная Сибирь в эпоху средневековья: Сб. статей. / Ред. Л.А. Чиндина. Томск, 1984. С. 3-4.

собранный материал по данной тематике, ограничиваясь лишь временными рамками, территорией и местом нахождения артефактов. Если говорить о видах, то в исследовании можно говорить о научной и образовательно-педагогической актуальности. Научная, потому что заполняются пробелы в знании о прошлом, обобщаются и систематизируются старые знания, пересматриваются существующие интерпретации фактов и источников, предлагаем новые теории и гипотезы. Образовательно-педагогическая актуальность предполагает, что полученные знания будут переработаны для массового читателя[4].

Объектом исследования является погребальный обряд населения Западной Сибири в эпоху средневековья, а *предметом* – антропоморфные личины, которые являются частью погребального обряда.

Целью данной работы является реконструкция роли антропоморфных личин в погребальном обряде населения Западной Сибири в эпоху Средневековья.

Задачи, которые предстоит решить, следующие:

1. Изучение археологического контекста нахождения антропоморфных личин;
2. Анализ функции антропоморфных личин в этнографической действительности;
3. Создание каталога антропоморфных личин Западной Сибири эпохи средневековья;
4. Картографирование находок антропоморфных личин Западной Сибири.

Среди *методов*, использованных в данной работе, большую роль играет *этноархеологический метод*. *Этноархеология* – это научное направление, складывающееся со второй половины XX в. в результате интеграции археологических и этнографических исследований и призванное решать круг проблем по истории культуры и общества особым способом – на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем[5]. По поводу определения и понятия этноархеологии существует очень много спорных моментов: методика это или всё-таки отдельное научное направление[6].

Потребность в этноархеологических знаниях возникла тогда, когда использование прямых и косвенных аналогий для археологов в этнографии и поиски этнографами следов традиционных культур предков современных народов в археологических материалах зашли как бы в тупик. Специалисты двух наук стали осознавать ограниченность таких

---

[4] Бочаров А.В. Основные научные методы в историческом исследовании. Учебное пособие. Томск. 2006. 190 с.

[5] Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / Отв. ред. В.И. Молодин. – Омск, Издательский дом «Наука», 2003. - С. 6.

[6] Там же. С. 13.

«прямых» обращений археологов к этнографии, а этнографов к археологии. Хотя результативность связи археологии и этнографии как смежных наук в изучении культур традиционных обществ была явно выше, чем в исследованиях социогенеза и социодинамики, всё же здесь выявлялась недостаточность простого сосуществования двух наук.

Таким образом, к середине XX в. возникло понимание того, что перевод по отдельности археологических и этнографических источников в область исторических знаний стал как бы недостаточным для нового информационного «взрыва» в исследовании истории первобытной эпохи и последующих исторических эпох вплоть до новейшего времени. Тогда некоторые археологи стали заниматься поисками путей внедрения этнографических знаний и методов в археологию, в том числе изучением процессов изготовления орудий труда, предметов быта, жилищ и т.д. А отдельные этнографы решили овладеть смежной археологической наукой и самим проводить археологические раскопки и археолого-этнографические исследования.

Объём взаимодействия и взаимопроникновения археологии и этнографии в деле реконструкции и конструирования социокультурных комплексов археологического прошлого и их отдельных составных, в деле изучения этих комплексов и процессов их формирования и функционирования оказался очень большим. Поэтому встал вопрос о качественно новом сближении этих наук на уровне интеграции и появления нового этноархеологического научного направления.

Среди методов этноархеологии можно выделить следующие[7]:

1. Археолого-этнографические параллели: это наиболее ранний и один из самых используемых методов реконструкции явлений прошлого или объяснения археологических и этнографических данных с помощью материалов смежной науки или исходя из понятий здравого смысла и опыта. Любой предмет, взятый человеком в руку, может быть сравним с известными артефактами.

   Есть археологический феномен, который необходимо объяснить. Для этого необходимо подобрать аналогию, что совершенно естественно вытекает из особенностей человеческого мышления. Неизвестное нужно сравнить с известным и подобрать подходящее объяснение. Этот метод находит широкое применение и имеется в исследовательском аппарате многих ученых. Но метод имеет и недостатки. Строго говоря, аналогия не является доказательством, в лучшем случае это подкрепление предположения или его иллюстрация.

[7] Там же. С. 47.

2. Исследование универсалий: данную методику можно рассматривать как вариант методики археолого-этнографических сопоставлений, ограниченной предметной областью. Это вызвано необходимостью решения проблем, связанных с привлечением большого количества источников, происходящих с разных территорий земного шара. Речь, прежде всего, идёт о феноменах культуры, имеющих широкое распространение. Представляется, что наиболее универсальными феноменами являются система путей сообщения, система расселения, нормы потребления продуктов, демографическая структура.

Основываясь на этноархеологической методологии мы можем наблюдать процессы в живых этнографических сообществах и искать объяснения археологическим реалиям. Теоретическим основанием для подобных наблюдений и переноса их на археологические материалы могут служить общечеловеческие стереотипы поведения. Применимо к нашей теме исследования – это означает анализ этнографических свидетельств о существовании ритуальных двойников покойников и использовании антропоморфных личин при их изготовлении и сопоставлении полученных данных с археологическими источниками.

Источники, используемые для изучения антропоморфных личин, представлены в нескольких видах: литература, архивные материалы и археологические коллекции.

Всего был обнаружен 21 артефакт из 5 уникальных археологических памятников. В раннем средневековье в районе Нарымского Приобья – это курганный могильник Рёлка (3 находки). В Томском Приобье личины были обнаружены в Тимирязевском курганном-I могильнике (6 находок). В Сургутском Приобье – это курганные могильники Сайгатинский-III (7 находок) и Барсов Городок (Барсовский-I) (2 находки). Хотя последние памятники хронологически могут находиться на стыке раннего и развитого средневековья.

В развитом средневековье подобных находок пока не было обнаружено.

В позднем средневековье находки антропоморфных изображений – это большая редкость. Они обнаружены только в одном могильнике Нарымского Приобья - Бедеревский Бор-II (3 находки). В тоже время существует много этнографических аналогов.

Стоит сказать и о практической части работы. Во-первых, автор принимал участие в охранных археологических раскопках осенью 2014г. в составе команды Томского государственного университета под руководством О.Б. Беликовой на северной периферии Тимирзяевского-I курганного могильника, поврежденной при строительстве коттеджного пос. Снегири. В ходе раскопок были обнаружены 4 личины (6-9).

Во-вторых, автор принимал участие в конференциях 2015-2018 гг. Первая - XI Международная молодёжная научная конференция ТГУ "Актуальные вопросы истории, международных отношений и документоведения", проходила в Томске в 2015г. Автор выступал с докладом на тему "Новые комплексы с антропоморфными личинами из Тимирязевского-I курганного могильника". Предпринималась попытка сделать анализ функций найденных в ходе раскопок 2014 г. личин. Другая конференция - XIV Всероссийская научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных "Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения". Проходила в Томске 25-27 апреля 2018г. Автор выступал с докладом на тему "Антропоморфные личины в погребальном обряде раннесредневекового населения Западной Сибири". Здесь делалась попытка проанализировать личины раннесредневекого населения Западной Сибири.

Результатом конференции 2015г. стала публикация статьи Шаповой (Целевой) П.И. «Новые комплексы с антропоморфными личинами из Тимирязевского-I курганного могильника» в журнале «Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сборник материалов XI Международной молодёжной научной конференции»[8].

[8] Шапова П.И. Новые комплексы с антропоморфными личинами из Тимирязевского-I курганного могильника // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодёжной научной конференции. – Томск, 2015. Вып. 11. т. 2. С. 551-553.

1 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОЖДЕНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ЛИЧИН

1.1 Раннее средневековье. Нарымское Приобье. Могильник Рёлка

В главе описываются все 21 личина, и делается попытка анализа материала. Первый памятник находится в Нарымском Приобье - это курганный могильник Рёлка, где было найдено 3 артефакта (1-3). Могильник расположен на левом берегу р. Оби, в посёлке Молчаново Томской области, на мысу высокой прислонённой надпойменной террасы, называемой местными жителями Рёлка. Памятник датируется VI-IX вв.

Могильник был открыт в 1947г. разведочной группой Томского государственного университета в составе Е.М. Пеняева, В.С. Синяева и А.И. Уварова. В 1955г. А.П. Дульзоном на могильнике был вскрыт один курган. В 196-1964гг. экспедицией Томского университета под руководством В.И. Матющенко, а в 1966г. под руководством Л.А. Чиндиной были раскопаны 14 курганов.

Металлическая пластика в могильнике Рёлка представлена значительным количеством (50 экз.) зоо- и антропоморфных изображений. Все они различаются сюжетами, техникой литья и степенью сохранности. Все изображения по сюжетам разделены на три большие группы, внутри которых проведено членение по более конкретным признакам[9]:

1. Антропоморфные изображения. По форме передачи человеческого образа выделяются изображения фигуры, головы и личины человека.
2. Сложные изображения. Включают в себя зоо- и антропоморфные образы, созданные в различных сочетаниях и ракурсах.
3. Простые зооморфные изображения.

На рисунке 1 можно посмотреть, насколько разнообразна металлопластика в Рёлке.

[9] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 41-51.

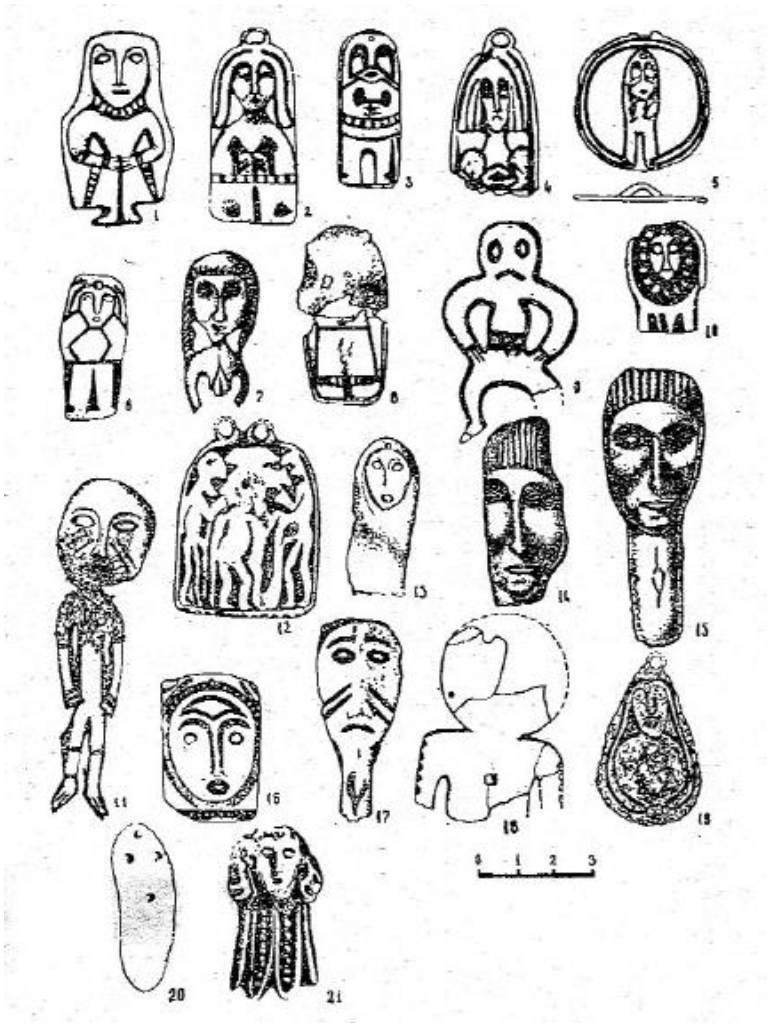


Рисунок 1 – Антропоморфные изображения из могильника Рёлка[10]

Но интерес представляют только три личины (1-3)[11].

Личина 1 (рис.1[12], курган и могила не ясны)[13]. Плоская голова-личина. Брови дугообразные, глаза, рот овальные, переданы углублёнными линиями, а длинный прямой нос – рельефным выступом. На щеках прочерчено по две линии. На длинной шее изображена «линия жизни».

Археологический контекст не ясен[14].

Личины 2 и 3 (рис.2 и 3, курган 6, могила 10)[15]. Эти два антропоморфа были найдены рядом. Они стилистически очень похожи, и контекст обнаружения у них идентичен. Поэтому описывать мы их будем вместе. Две бронзовые скульптурные

[10] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 178.
[11] Нумерация взята из каталога (см. Приложение А).
[12] Данные взяты из таблицы (см. Приложение А).
[13] Не было доступа к письменному источнику.
[14] Не было доступа к письменному источнику.
[15] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 18-19.

головки. Внутри полые, без затылочной части. Узкое лицо, тонкий прямой нос, открытые глаза, тонкие, плотно сжатые губы, волевой подбородок создают впечатление портретности изображения. Выражение лица строгое, почти суровое. На голове рубчатый убор, на длинной шее выгравирована «линия жизни».

Археологический контекст нахождения следующий: личины находились в могиле, где было скопление обожжённых костей на глубине 40 см от поверхности. Вещи лежали грудой и многие пострадали от сильного огня. Под обломками раздавленного сосуда находилось несколько бронзовых предметов: четыре полых изображения головок человека (среди которых и есть наши два антропоморфа), плоское изображение птицы с личиной на груди, проволочный витой браслет, обломки от двух серповидных гривен; здесь же железная пряжка и остатки от ножен.

Все три находки сделаны из идентичного материала – бронзы. Стилистически личины 2 и 3 похожи: имеется шея, одинаковые черты лица, наличие головного убора; одинаков контекст обнаружения, присутствуют следы кремации. Личина 1 по своему стилю подходит под описание так называемых личин «тимирязевского облика»[16], о которых речь пойдёт ниже. У всех трёх артефактов наблюдается «линия жизни».

1.2 Томское Приобье. Тимирязевский-I курганный могильник

Тимирязевский-I курганный могильник находится в нижнем течении р. Томь, на ее левом берегу напротив г. Томска. Могильник исследован В.И. Матющенко в 1956 г. Им были раскопаны два кургана. Хорошо известным в науке памятник стал после масштабных раскопок Л.М. Плетневой в 1971 и 1973 гг. 68 курганов[17]. В 2014 г. Томский государственный университет (ТГУ) проводил под руководством О.Б. Беликовой охранные раскопки на северной периферии могильника, поврежденной при строительстве коттеджного посёлка Снегири[18]. Памятник датируется V-VIIIв. Особенностью могильника являются скопления миниатюрных предметов[19], которые являются частью поминальных объектов.

Во время раскопок были обнаружены 6 личин (4-9).

---

[16] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 74-81.
[17] Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
[18] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 74-81.
[19] Зайцева О.В., Водясов Е.В. Грунтовое погребение Тимирязевского-I курганного могильника с комплексом миниатюрных предметов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. № 434. С. 113.

Личина 4 (рис.4, курган 39)[20]. Высота 5,9 см, масса18 гр. Литье одностороннее, плоское; имеется брак – недолив металла с правой стороны изделия. Общее очертание изображения лица овальное. Глаза переданы нечетким округлым контуром, рот – овальным валиком, нос – узким прямым валиком. На щеках отмечены по две косые насечки, симметричные относительно вертикальной оси лица. Выделена шея длиной 2,2 см, на которой в невысоком рельефе фиксируется аморфная овалообразная фигура (изображение «линии жизни»). На голове отображен боевой шлем, имеющий низкий круглый купол, а также нащечники и надглазья. Нижний край купола оформлен двумя волнообразными выемками над глазами. Перечисленные элементы шлема переданы повышением рельефа относительно уровня лица. Не исключено, что аналогичным способом у шлема показана еще одна деталь – узкая носовая накладка, переходящая в надглазья шлема. На противоположных кромках верха изделия имеются слабозаметные насечки, предназначенные, скорее всего, для его прикрепления к какой-либо основе.

Личина была найдена в северо-восточном секторе курганной насыпи на глубине 8–9 см вместе с миниатюрным железным ножом под целым керамическим сосудом небольших размеров (в него личины и нож поместили преднамеренно). Погребение человека обнаружено значительно ниже и в стороне от перечисленных находок: на глубине 0,6 м в юго-западном секторе кургана. В могиле найдены череп женщины 25–30 лет, целый миниатюрный керамический сосуд, бронзовая пряжка и 2 неопределимых железных предмета.

Личина 5 (рис.5, курган 55)[21]. Высота 4,0 см, масса 7 гр. Литье одностороннее, плоское. Общий контур изображения лица округлый. Брови (или надбровные дуги), глаза, рот и симметричные линии на щеках переданы углубленными рельефными линиями, нос – узким рельефным валиком. Четко выражена шея длиной 1,3 см.

В юго-западной части кургана на глубине 0,5 м зафиксировано 2 керамических сосуда. При этом в сосуд большего размера был вставлен другой керамический сосуд, в котором и находилась рассматриваемая личина вместе с комплексом из 16 железных и бронзовых артефактов. В расположенном же рядом керамическом сосуде обнаружено 12 подобных вещей. Погребение в кургане не обнаружено.

Личина 6 (рис.6, курган 59)[22]. Высота 3,8 см, масса 6 гр. Литье одностороннее, плоское. Общий контур изображения лица округлый, характерна грубость в передаче его деталей. Глаза показаны грубыми насечками, образующими 2 ромба. На щеках нанесено

[20] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 75.
[21] Там же.
[22] Там же. С. 76.

по одной косой насечке. Рот отмечен углубленным подовальным контуром, а нос – слабо выступающим узким рельефным валиком. На противоположных боковых краях личины, на уровне глаз и чуть ниже сделали, вероятно, после отливки по одной выемке глубиной 1–2 мм, а на переносицу нанесли глубокую насечку. Эти детали, по мнению Л.М. Плетневой, служили для привязывания личины к какой-то основе. На узкой шее длиной 1,2 см отмечены 2 короткие поперечные насечки, изображающие, как предположила Л.М. Плетнева, линию жизни, хотя, возможно, они предназначались для прикрепления изделия к основе[23].

Личина обнаружена при снятии юго-западной части курганной насыпи на глубине 10–12 см, вместе с двумя фрагментами керамики. Погребение мужчины 30–40 лет располагалось в центральной части кургана и значительно ниже – на глубине 0,6 м. В нем найдены 2 керамических сосуда, включая миниатюрный, а также железное втульчатое долото и железный миниатюрный нож.

Личина 7 (рис.7, курган 60)[24]. Высота 4,7 см, масса 10 гр. Литье одностороннее, плоское. Общее очертание изображения лица овальное. Глаза и рот переданы единой техникой в виде овальных контуров. На щеках– по три симметричных косых насечки. Надо лбом тремя продольными желобками изображен, по предположению Л.М. Плетневой, головной убор[25]. Эти горизонтальные детали в верхней части головы передают, по мнению авторов статьи, некую трехрядность тульи головного убора, не исключено, низкого боевого шлема с круглым куполом. Длина шеи 0,9 см. Края изделия не обработаны, особенно в нижней части.

Личина найдена при снятии центральной части курганной насыпи на глубине 12–15 см в миниатюрном керамическом сосуде, в котором находились еще 3 железных артефакта: миниатюрная модель тесла и нормативных размеров нож и пряжка. Погребение располагалось значительно ниже – на глубине 0,6–0,75 м. Сосуд с личиной в проекции располагался над северным краем этого грунтового погребения. Оно содержало останки мужчины 30–40 лет, женщины 16–20 лет и многочисленный инвентарь.

Личина 8 (рис.8, раскоп 2, 2014г)[26], с орнитоморфным навершием. Общая высота 5,6 см, масса 6,8 гр. Литье одностороннее, с изнаночной стороны изделие имеет

---

[23] Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 111-113.

[24] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 76.

[25] Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 16-18.

[26] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 77.

углубленно-вогнутую форму. Наблюдаются признаки горельефа, передающие образ птицы. Общий контур изображения лица человека овальный. Глаза показаны дугообразными углубленными линиями, образующими овалы. На щеках симметрично отмечены 2 пары слабоизогнутых горизонтальных линий, идущих поперек носа, отмеченного узким рельефным валиком. Подобной линией изображен и рот. Четко смоделирован подбородок. Подквадратный рельефный выступ, хорошо заметный ниже его, интерпретировать трудно, возможно, он отображает какую-то деталь лица (например, борода). Длина подпрямоугольной шеи 1,8 см. На ней прочерчена подтреугольная фигура, вероятно, символизирующая линию жизни.

На голове антропоморфа изображена в анфас сидящая птица с опущенными вниз крыльями. Этот орнитоморф интерпретирован как своеобразный головной убор или наголовье.

Личина 9 (рис.9, раскоп 2, 2014 г)[27], с зооморфным навершием. Общая высота 4,7 см, масса 11,3 гр. Литье одностороннее, плоское. Общее очертание лица человека подпрямоугольное. Глаза переданы круглым контуром, брови и 3 пары симметричных косых насечек на щеках – прямыми углубленными линиями, нос – валиком, на котором в месте расположения рта сделана насечка. Длина шеи 0,5 см, на ней заметна выпуклая подтреугольная фигура – «линия жизни». Изображение животного, смотрящего влево, отделено от лица человека горизонтальной линией. Глаз животного передан той же техникой, что и глаза человека, т.е. углубленным контуром, но только овальной формы. Навершие трактуется как изображение головного убора в форме животного.

Личины 8 и 9 найдены в ходе раскопок 2014 г. и связаны с одним грунтовым погребением, содержащим останки двух детей. Размер погребальной ямы 1,11 х 0,46 м, глубина 0,32 м, ее ориентация северо-восток – юго-запад. Кости первого индивида представлены коронкой молочного моляра, возраст смерти – 6 мес. ± 3 мес.; останки второго – постоянными зубами, возраст его смерти – 5 лет ± 16 мес[28]. На рисунке 2 можно посмотреть, как именно выглядели найденные 8 и 9 личины в составе скоплений миниатюрных предметов.

[27] Там же.

[28] Зайцева О.В., Водясов Е.В. Грунтовое погребение Тимирязевского-I курганного могильника с комплексом миниатюрных предметов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. № 434. С. 113.

Рис. 3. Тимирязевский-1 курганный могильник. Погребение 1:

Рисунок 2 – Личины 8 (слева) и 9 (справа) в составе скоплений с миниатюрными предметами[29]

Личина 8 находилась на самом дне погребальной ямы, у ее северо-восточной стенки, в скоплении предметов: железная миниатюрная пряжка, бронзовая пряжка нормативных размеров, бронзовое изображение головы медведя и железные миниатюрные трудноопределимые изделия. Помимо этого скопления в могиле найдены 2 железных трехлопастных наконечника стрел и фрагменты керамического сосуда.

Личина 9 обнаружена на расстоянии около 1 м от личины 8: у юго-западного верхнего края погребальной ямы в составе скопления из железных предметов: миниатюрный нож с остатками ножен, миниатюрная пряжка и фрагмент пластины.

Стилистическое единство всех шести антропоморфных личин из Тимирязевского-1 могильника несомненно. Находки объединяет несколько общих признаков.

Личины изготовлены на основе технологии одностороннего плоского литья. Какие-либо петельки или отверстия для крепления на изделиях отсутствуют. Артефакты близки по размерам: длина от 3,8 до 5,9 см и массе – от 6 до18 г.

В средней части лица всех антропоморфных существ имеются углубленные полосы, линии. В основном на щеки нанесены 1–3 косые черточки; они расположены симметрично относительно вертикальной оси лица. На одном изображении проведены поперек лица, через нос две горизонтальные слабоизогнутые линии. Все эти желобки с учетом их направления и конкретных мест расположения трактуются с большей

[29] Там же. С. 115.

вероятностью как своеобразные раскраски или татуировки, но не как носогубные или другие естественные морщины.

Нос на всех личинах обозначен прямым валиком, а глаза – углубленным контуром. В целом для антропоморфных изображений характерен реализм в передаче частей лица. У всех личин имеется «шея» – прямой отросток длиной 0,8–2,2 см. На ней у некоторых персонажей показаны разные детали, подобные которым в литературе называют «линией жизни».

Главные различия между личинами из Тимирязевского-1 могильника проявляются в оформлении верхней части. На двух личинах в этой зоне показаны фигуры животных (личины 8 и 9), которые интерпретируются как зооморфные головные уборы в виде птицы. На двух других личинах изображены иные головные уборы – боевой шлем с низким круглым куполом (личина 4) и какой-то убор с тульей из трех горизонтальных рядов (личина 7). В теменной области остальных двух личин дополнительные элементы не обозначены.

Единственным полным аналогом тимирязевских поделок является бронзовая личина из могильника Рёлка, о чём уже отмечалось выше (личина 1). Остальные антропоморфные изображения Рёлки стилистически существенно отличаются от личин «тимирязевского» облика.

Рёлка и Тимирязевский-I курганный могильник относятся к определённым археологическим культурам. Но мнения на этот счёт расходятся. Существует 2 научных обоснования. Л.М. Чиндина считает, что Рёлка и Тимирязевский-I могильник имеют одинаковую археологическую культуру – рёлкинская[30]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнёва считают, что Тимирязевский могильник относится к верхнеобской культуре[31].

1.3 Сургутское Приобье. Сайгатинский-III могильник и Барсов городок (Барсовский-I)

Могильник находятся в Сургутском Приобье. Сайгатинский могильник находится в районе Тюменской области, на правом берегу р. Оби, близ г. Сургута. В 1983г. была исследована группа могильников, в том числе Сайгатиснкий-III, А.П. Зыковым, Л.М. Тереховой и К.Г. Карачаровым. Памятник датируется VIII-IX вв. Барсов городок тоже датируется VIII-IX вв.

[30] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 107-118.
[31] Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 114-127.

В Сайгатинском-III могильнике было обнаружено 7 личин (10-16), в Барсовом городке – 2 (17 и 18). Все анализируемые личины из Сургутского Приобья, скорее всего, являлись деталями кукол.

Личина 10 (рис.10)[32]. Бронзовая личина имеет размеры 6,3х3,8х0,7 см. Она была приложена к кукле, размеры которой - 20х10,5х2 см (размеры головной части – 6х6 см). Рядом с куклой находились два несомкнутых медных кольца из прямоугольной в сечении проволоки (одно – на личине, другое – под ней); на тулове куклы лежа основа коньковой шумящей подвески (бронза, литьё изображение с обеих сторон); под ней – две шумящие подвески с основой в виде колодок со стилизованными птичьими лапками (бронза, литьё).

Личина 11 (рис.11). Бронзовая личина имеет размером 8,5х5,7х0,8 см. Личина была приложена к кукле, размеры которой 28х13,5х3 см (размеры головной части – 7х6 см). Рядом с куклой находились два бронзовых литых несомкнутых кольца с дротом круглого сечения, сужающегося к концам.

*Личина 12 (*рис.12). Деревянная личина имеет размеры 14,2х3,2 см, размеры собственно личины 6,1х3,2 см, нижняя часть которой переходит в стержень прямоугольного сечения с отверстием на конце – 8,1х1,2 см. Антропоморф был приложен к кукле. Кукла сохранилась плохо и поэтому указать её даже приблизительные размеры не представляется возможным.

Личина 13 (рис.13). Бронзовая личина имеет размеры 8,1х4х1 см. Она была приложена к кукле. Размеры куклы 21х10х2 см. У тулова находились две луженые паяные медные серьги (височные подвески) с подвесками в виде шариков на усечённом конусе. Из-за того, что припой окислился, подвески лишились отдельных деталей (зерни и небольших полых шариков), точное расположение которых на подвесках установить не представилось возможным. У центральной части тулова куклы находилась плоская коньковая подвеска (литьё, бронза, изображение только с одной стороны).

Личина 14 (рис.14). Бронзовая личина размером 8,5х4,5х1,1 см. Она была приложена к кукле размерами 22х11х2 см. У центральной части тулова куклы находились два литых бронзовых кольца, с дротом круглого сечения, сужающегося к концам; два отрубленных конца от несомкнутого кольца, завершающиеся крючками; объёмная полая зооморфная подвеска, изображающая двух животных (литьё, бронза); плоская зооморфная бляшка-собака с петлёй на обороте; пять медных (?) пластинок.

Археологический контекст нахождения всех 5 кукол следующий: в пространстве между могилами, сразу под дёрном, в подпрямоугольной яме 40х60 см, глубиной 10 см,

[32] Данные о кургане и могиле не найдены (личины 10-14).

был найден берестяной свёрток, в котором находились 3 свёртка меньшего размера. Яма была ориентирована длинной осью по линии СЮ, свёртки располагались вдоль её длинных стенок: один – у западной; два других, лежащих друг на друге – у восточной.

Западный свёрток был уложен таким образом, что стыки находились внизу, кроме того, сверху и снизу в него были вложены прямоугольные куски бересты. Стыки свёртков восточной части находились сверху, вместо кусков бересты в них были вложены прямоугольные куски меха ворсом внутрь свёртков.

Все три свёртка содержали куклы: западный – три (1,2,3), а восточные – по одной (4 и 5). Куклы западной части лежали лицевой стороной вниз, а восточной части – лицевой стороной вверх. Все они были ориентированы головами на С.

Куклы имели примерно одинаковую конструкцию. Основу составлял плоский каркас из двух прутиков, свёрнутых в виде рамок миндалевидной и треугольной формы; у самой крупной из них (кукла 2) по длинной оси каркаса проходил ещё один прутик. Объём куклам придавал набитый внутрь мох. Достоверно не установлено, были ли куклы обшиты мехом или иным материалом, завёрнуты ли (одеты) в миниатюрные шубы. Однако использование меха в качестве покрова очевидно. Зафиксированы в комплексе детали меховой мозаики, а также кожаные полоски со следами прошивания и декора из продетых в разрезы более тонких кожаных полосок. Не исключено, что покровы были комбинированными. Головные части кукол 1 и 5 окантованы кожаными полосками; у кукол 2 и 4 на этом месте были пришиты кусочки кожи в виде полукруга; головная часть куклы 3 не сохранилась. У каждой из них находились пряди волос, предположительно, человеческих. К каждой кукле были приложены личины: к 1 (10), 2 (11), 4 (13), 5 (14); к 3 (12) – деревянная, переходящая в нижней части в стержень прямоугольного сечения с отверстием на конце. Все личины были обращены лицевой стороной к мягкой основе «голов» кукол.

У четырёх кукол с той же стороны, к которой были приложены личины, находились металлические украшения.

Следующие две личины (15 и 16) были найдены в комплексах Сайгатинского-III могильника.

Личина 15 (рис.15, погребение 86)[33]. В погребении была обнаружена бронзовая личина размерами 6,3х3,6 см. Она была приложена к кукле лицевой стороной. Личина была привязана к деревянной основе, повторяющей её контур. Под головной частью куклы лежали два бронзовых кольца с несомкнутыми концами. Кукла находилась в

[33] Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII-IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 36.

берестяном свёртке размером 8х18 см. Сам свёрток находился у правой плечевой кости погребённого. Судя по сохранившимся костям погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВ. По сохранившимся частям кукла имела каркас из прутиков и была набита мхом, обшита или обёрнута мехом.

Личина 16 (рис.16, погребение 108)[34]. В могиле была найдена лицевой стороной вниз деревянная личина размером 9,4х4,4 см: собственно личина – 6,7х4,4х1,4см; в нижней части она переходит в стержень овального сечения размером 2,7х0,9х0,75 см. Плохая сохранность органики не позволила проследить точное расположение личины по отношению к кукле. Здесь же находились два литых бронзовых кольца, из круглого в сечении сужающегося к концам дрота; бронзовая сферическая бляшка с уплощённым полем. Судя по сохранившимся костям, погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Возраст умершего составлял 40-50 лет, пол установить не удалось. В ногах у него, у западной стенки найден берестяной свёрток, в котором находились остатки куклы. Кукла имела каркас из прутиков и была набита мхом.

Ещё две личины были найдены с могильника Барсова Городка (17-18).

Личина 17 (рис.17, погребение 130)[35]. Была обнаружена бронзовая личина размером 6,1х3,8 см лицевой стороной вниз. Она лежала в ногах у погребённой (женщина 20-30 лет). Судя по сохранившимся костям, умершая была уложена вытянуто на спине головой на ЮВ. Плохая сохранность органики не позволила установить, являлась ли личина деталью куклы или нет. В погребении была найдена плоская фигурка «лошади с рогом» или оленя, фрагменты, которой были нашиты на венчик погребённой.

Личина 18 (рис.18, погребение 207)[36]. Был найден фрагмент деревянной личины. Он находился на груди у покойного. Скорее всего, личина лежала лицевой стороной вниз. На верхней части «лица» зафиксированы остатки очень тонкой серебряной фольги. Сверху и снизу личины фиксировались отдельные волоски. Плохая сохранность материала не позволила точно установить, была ли личина деталью куклы или нет. Судя по сохранившимся костям, погребённый был уложен вытянуто на спине головой на ЮВ. Возраст умершего составлял 6-11 лет.

Стилистически все личины Сургутского Приобья похожи. Все личины имеют в фас форму овала с приострёнными концами. Лицо выполнено в двух уровнях, или, точнее, криволинейных плоскостях. Лоб и нос нависают над остальной частью лица, образуя почти прямоугольный карниз. Нос имеет форму узкого вытянутого прямоугольника. Он

[34] Там же. С. 37.
[35] Там же. С. 41.
[36] Там же. С. 42.

не отделён от лба, седловина не обозначена. Глаза и рот чаще переданы контурными углублениями, глаза – иногда выступающим рельефом. Также выступающим и углублённым рельефом выполнены детали лба или головного убора (брови, детали шлема и т.п). Иногда на личинах показаны усы (возможно, татуировка или раскраска лица). Приострённая верхняя часть личин создаёт впечатление того, что голову венчает остроконечный головной убор – шлем.

Все металлические личины отлиты из оловянистой бронзы, литник во всех случаях располагался в нижней части. Лицевая сторона выполнена тщательно, возможна вторичная обработка после отливки, а оборотная представляет собой грубый негатив лицевой. Анализ по составу металла и технологии литья пока не проводился. Так же личины имеют следующие схожие особенности: барельефность, очень грубый негатив лицевой стороны на обороте, относительная ровная стенок отливок, фиксированность следов литника на всех личинах снизу.

У деревянных личин тщательно проработана также только лицевая сторона, оборотная сторона чаще представляет собой плоский срез, а в одном случае – она выпуклая. Кроме того, деревянные личины в нижней части, в том месте, где у металлических расположен литник, заканчиваются круглым или прямоугольным в сечении стержнем.

Достоверно зафиксировано, что некоторые личины являлись деталями кукол, имевших мягкую основу с плоским каркасом из прутиков.

Сургутские личины могут восприниматься непрямыми аналогами тимирязевских и рёлкинских находок[37]. Их сходство заключается в небольших размерах, уплощённой обозначенной «шеей», в передачи деталей лица и носов, выполненных в реалистичной и лаконичной манере. Так же элементом сходства является изображение головного убора. Главное же отличие сургутских антропоморфных персонажей – отсутствие линий, обозначающих, возможно, татуировки.

1.4 Позднее средневековье. Могильник Бедеревский Бор-II

В позднем средневековье находок очень мало. Они найдены только в могильнике Бедеревский Бор-II. Могильник расположен в 15 км от посёлка Напас, вверх по течению р. Тым, в Каргасокском районе г. Томска. Памятник был полностью исследован А.И.

[37] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 74-81.

Бобровой в 1989-1990гг. Обнаружено всего три личины (19-21).

Личина 19 (рис.19, могила 19)[38]. Личина имела высоту 10 см. Имеет вытянутый подбородок и подтругольной формы овал лица. От линии лба до макушки контуры головы оформлены в виде треугольника, вероятно, передающего форму головного убора. Сделана из жести.

Личина 20 (рис.20, могила 19)[39]. Эта личина имеет высоту 6,5 см. Она отличается овальными контурами лица, прямо срезанной верхней частью головы и подбородка, отсутствием изображений головного убора. Так же, как и предыдущая сделана из жести.

Археологический контекст нахождения этих двух личин идентичен. Обе личины были обнаружены под дёрном, вложенные одна в другую. В могиле похоронен мужчина около 50 лет. Его останки располагались двумя скоплениями. Череп и часть костей не были нарушены, остальные лежали беспорядочно. Среди костей найден нож. При изготовлении этих изображений использовались одинаковые приёмы. На пластины путём чеканки были нанесены брови, близко посаженные глаза, длинный прямой нос, рот. Брови и нос выдавлены изнутри, глаза и рот выбиты с лицевой стороны.

Личина 21 (рис.21, могила 43)[40]. В могиле была обнаружена личина размером 3,5х2,5 см, толщиной 0,7 мм и деревянная оструганная палочка длиной 6 см, а диаметром 0,7 – 1 см. Личина сделана из свинцовой пластины, наложенной в нагретом состоянии на деревянную основу. У неё выступающий лоб, длинный мясистый нос, щёки. Глаза и рот выполнены в той же манере и технике, что и на личинах из жести. Правая сторона загнута, левая обломана, возможно, намеренно. Анализ изображений позволяет сделать вывод о том, что пластины были наложены на деревянную основу, куклу (?)[41], поэтому их края и оказались загнутыми.

В могиле зафиксированы останки мужчины 40-50 лет в нарушенном состоянии. Рядом с черепом в пятне органики найдены. С погребённым обнаружены медные накладки, серьга «знак вопроса», нож с костяной рукоятью.

Стилистически личины 19 и 20 рознятся с личиной 21. Первые две сделаны из жести, последняя – из свинца. Размеры первых личин больше, чем размеры второй. У личин из жести отсутствует «шея», в то время как у свинцовой шея длиной 6 см. Контекст обнаружения тоже разный.

Но несмотря на небольшую расхожесть, сургутские личины от находок из других

---

[38] Боброва А.Н., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор-II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 18.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же. С. 18-22.

памятников отличить можно. Они тоже являются непрямыми аналогами рёлкинским личинам, тимирязевским и сургутским.

По своей культурной принадлежности могильник относится к селькупам.

1.5 Анализ археологического контекста

Как уже было указано, все личины являются непрямыми аналогами друг друга. Все артефакты имеют приблизительно одинаковые размеры. Почти все личины сделаны из идентичного материала – бронза. Исключение составляют личины 12, 16, 18 – личины изготовлены из дерева; так же жестяные находки 19 и 20 и свинцовая 21 личина.

Одинаковая форма лица – овал. Практически у всех находок есть шея (что, возможно, говорит об общем назначении личин). У некоторых из личин шея/стержень ярко выраженная (личины 1,3, 4-9, 12, 16, 21). У трёх личин шея полностью отсутствует (личины 18 (плохая сохранность), 19, 20). Остальные же личины имеют маленький отросток, который, скорее всего, указывает на наличие шеи/стержня.

Стилистически личины между собой отличаются. Но, понятно, что сургутские личины можно отличить от тимирязевских, рёлкинских и т.д. 12 личин имеют головной убор (скорее всего, шлем). Две находки имеют орнитоморфное-зооморфное навершие (8,9). В 6 случаях на лицах имеются так называемые насечки или татуировки (1,4,5,7,8,9).

Так же в 6 случаях не зафиксирован сопроводительный инвентарь (1,5,12,18,19,20). Что касается остальных личин, то чаще всего встречаются украшения (у 9 находок). В число сопроводительного инвентаря входит оружие (ножи). Различные бронзовые изображения так же были зафиксированы 6 раз. Керамика найдена в 5 случаях. Так же стоит отметить такую группу находок, как миниатюрные предметы (присутствует в 3 случаях). В последующей главе мы подробнее рассмотрим данную группу предметов и поймём, относятся ли они непосредственно к личинам, к погребённому или представляют самостоятельные артефакты.

Что касаемо наличия тела в погребении, то этот факт зафиксирован в 11 случаях. Причём в 5 случаях найдено тело мужчины, в 3 – женщины и в 3 – ребёнка. Присутствует парное погребение (мужчина и женщина). Отмечен обычай кремации (в 2 случаях), в остальных же было установлено трупоположение.

Анализ материалов позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на различие в стилистике, как уже отмечалось выше, личины имеют много схожих черт. Это позволяет говорить о том, что находки являются непрямыми аналогами друг друга. Это, в свою очередь, упрощает нам интерпретацию личин, их роли в погребальном обряде.

Находки антропоморфных личин – это не большая редкость на территории Западной Сибири и за её пределами. Существует довольно много памятников, где антропоморфы представляют большую и интереснейшую группу находок со своей уникальностью и особенностями. Многим известна такая культурная историческая общность, как кулайская[42], где представлена самая разнообразная металлопластика. Или, например, так же большой интерес представляет таштыкская культура с мумифицированными телами-куклами и белыми масками с красными пятнами[43].

Но в нашей работе мы ограничены хронологическими рамками (период средних веков), территориальными (Западная Сибирь) и типологическими, ибо мы исследуем находки с определённых видов памятников – могильников. Поэтому артефактов относительно немного. Изучение вообще антропоморфов, не только личин, а, например, фигур человека, сложных изображений (лицо человека и тело птицы/зверя), наскальных изображений лиц людей, подвески-личины – это тема для отдельного большого исследования. Уже большее количество памятников, больше типов памятников (не только могильники, но и поселения, отдельные какие-то находки). Даже если брать только одну категорию, как в нашем случае, личин, то эта тема тоже довольно обширна и интересна (но, опять же, для отдельного исследования).

[42] Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1984. – 255 с.
[43] Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Спб : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.

2 ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОМРФНЫХ ЛИЧИНАХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

2.1 Функции антропоморфных личин в этнографической действительности

В предыдущей главе описывалась каждая личина и была предпринята попытка сделать их общий анализ. Но для чего нужны были данные антропоморфмы? Зачем люди намеренно клали их в могилы, возможно, «хоронили», да и вообще, зачем они были созданы?

Об интерпретации роли этих находок речь будет идти немного ниже. Но можно сказать, что в целом и общем антропоморфные личины в погребальном обряде средневекового населения Западной Сибири выполняли известную по этнографическим свидетельствам роль «иттарма» (вместилище одной из душ умершего) и являлись составной частью ритуального двойника покойного. И такие куклы «иттарма» (у каждого народа они назывались и называются по-своему) входят в такую категорию, как ритуальные куклы.

Ритуальные куклы распространены у многих народов, и Сибирь не стала исключением. Шорцы, угры, ханты, эвенки – список народов довольно длинный. Можно выделить 3 основные группы ритуальных кукол:

1. Изображение духов разных категорий. Выделяются три большие группы[44]:
    a. Семейные или домашние – это духи, привязанные к определённому дому. Власть домашнего духа не слишком велика, к его сфере влияния относятся главным образом небольшие повседневные занятия. Домашние духи обязаны постоянно поддерживать своего владельца при условии, что хозяин, со своей стороны, не забудет удовлетворить потребности духа (угощение пищей и пожертвования). Чаще всего домашние духи – это антропоморфные изображения из дерева, реже – из металла, кости, ткани или камня. Жилищем домашних духов чаще всего служил маленький сундучок или мешкообразный сосуд из бересты.
    b. Местные или родовые – это сверхъественственные существа, имеющие силу на определённой территории или оказывающие содействие определённой социальной группе. Они живут повсюду – на реках, по берегам озёр, в горах

[44] Золотарёва Н.В. Изображения духов у обских угров и самодийцев // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 170-173.

и на холмах, среди болот. Но во многом функции местных духов повторяют обязанности домашних. Однако прослеживается огромная разница в их силе. Даже самый сильный домашний дух намного слабее самого малосильного из местных, и покровительство каждого местного духа охватывает более широкий круг людей, чем у какого-либо домашнего духа.

c. Всеобщие духи – их главная особенность заключается в отсутствии изображений, если только они не предстают одновременно и местными покровителями. Это существа, которые одновременно могут быть везде. Они не имеют постоянного, территориально ограниченного местожительства или сферы влияния. Данные духи всевластны. Большинство всеобщих духов не имели изображений.

2. Изображения шаманских духов. Шаманы – это посредники между миром духом и миром живых. Как правило, шаманов всегда сопровождают духи. Они могут быть выражены в разных формах, в том числе в виде различных фигурок, зоо- и антропоморфных личинах, предметах и проч. Эти духи «живут» на костюме шамана.
3. Вместилище души умершего. Как уже отмечалось, называлась эта кукла у разных сибирских народов по-разному. Ханты и манси – иттарма, селькупы – кэдо, ненцы – синдрянг, кеты – дангольс и проч. Изображения умерших делают женщины – близкие родственницы покойного. В течение 40 (для женщин) и 50 (для мужчин) дней, пока длиться траур, куклу держат в доме. В течение этого срока её «кормят», каждый день ставя перед ней еду. После окончания траура (на 40/50й день) разные народы по-разному проводят различные ритуальные действия с куклой (сжигание куклы, её «подхоранивание»).

Ниже можно на рисунках 3 и 4 можно посмотреть, как выглядели некоторые ритуальные куклы.

Рис. 3. Фигура духа-покровителя с бронзовой средневековой личиной.

Рисунок 3 – Фигура духа-покровителя[45]

Рис. 5. Семейный дух-покровитель.

Рисунок 4 – Семейный дух-покровитель[46]

Кукле в традиционной культуре сибирских народов присущи несколько функций[47]:

[45] Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. Том 1, № 17. С 92.
[46] Там же. С. 93.
[47] Золотарёва Н.В. Явление антропоморфизации в традиционной культуре обских угров // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 348. С. 60.

1. Психологическая: кукла служит моделью человека, она должна нести существенную информацию о нём самом. Кукла становится эквивалентом понятия «человек» в его телесной, соматической составляющей.
2. Социальная: когда девочка играет в куклы, у неё постепенно формируется представление о будущем материнстве.
3. Мировоззренческая: ритуальные куклы являются частью многообразных практик и обрядов. Довольно часто кукол называют именами самых разных божков и духов. Уже через это можно увидеть, присущий каждому народу, местный пантеон и религиозную картину мира.
4. Креативная: несмотря на то, что куклы наполнены сакральным смыслом, всё же они – творение рук человеческих; их делают обычные люди. Они делают творческую работу, проявляя свою индивидуальность (ни одна ритуальная кукла не похожа на другую).
5. Гносеологическая: человек становится субъектом – активным деятельностным началом, влияющим на процессы, явления, вещи через их моделирование. Сюжет с включением таких категорий, как творец, человек, кукла, игра неоднократно обыгрывается в мифологии сибирских народов. В ней отождествляются люди и куклы, первые определяются через вторых как «кукольнолицые». Переход от мифического времени к «человеческому» характеризуется так: «В дальнейшем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время». Люди – это куклы богов, которыми они забавляются. Люди уподобляются богам-творцам, когда играют в куклы[48].

Ритуальные куклы имеют следующее строение[49]:

1. Основа, которая может быть металлической, деревянной, каменной. Каракас представляет из себя либо фигуру с хорошо выделанными руками, ногами и головой, либо просто основа, части тела которой созданы отдельно и, может быть, даже из отличного от основы материала.
2. Непосредственно лицо (личина): фигуры с хорошо обозначенным человеческим лицом; лица с намеченными в виде точек глазами и ртом; круглая медная бляха; монета; личины-маски; личины; пуговица и проч.
3. Одежда: штаны, халат, шубки, платья и проч.
4. Воинское снаряжение: многие духи-покровители почитаются как древние

[48] Там же.
[49] Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. Том 1, № 17. С. 90-97.

богатыри, поэтому особыми знаками на них являются оружие и предметы защитного сооружения (чаще всего шлемы).

5. Головной убор: ситуация такая же, как и с воинским снаряжением. Но так же существуют шапочки, головные уборы с зоо- и орнитоморфными навершиями непосредственно на голове личины.

Ниже на рисунках 5 и 6 можно посмотреть примеры таких одёжек для куколок.

Рисунок 5 – халат духа-покровителя[50].

Рис. 7. Штаны духа-покровителя.

Рисунок 6 – штаны духа-покровителя[51].

Стоит сказать о том, что кукла как игрушка, детская игрушка и ритуальная кукла – это совершенно разные понятия. И это нужно понимать. Различия ритуальной куклы и

[50] Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. Том 1, № 17. С. 96.
[51] Там же. С. 95.

игровой у сибирских народов хорошо видны. Ритуальная кукла всегда создаётся с чётким изображением лица. Лицо может быть, непосредственно, вырезано вместе с телом (если данный идол сделан из дерева) или отлито вместе с телом; или металлическая антропоморфная личина может быть лицом (т.е. быть сделанной отдельно от тела) и быть приложенной к какой-либо основе. Лицо у ритуальной куклы играет очень важную роль, потому что создаётся не просто предмет, которым можно поиграть короткое время и выкинуть, а создаётся именно культ, создаётся идол, создаётся нечто живое. Поэтому очень важное место отводиться именно антропоморфизации куклы (проработка глаз, частей тела). Глаза могут быть выполнены в самой разнообразной манере – это могут быть царапины, пуговицы, бусинки, или сделанные вместе с личиной глаза. Ритуальная кукла – это дух, потому что через лицо душа умершего входит в игрушечное тело. Так же для таких кукол характерно использование условной одежды, в то время как детским игрушкам большое и основное внимание уделяется наряду.

Именно поэтому, что душа входит и выходит через лицо, у некоторых сибирских народов был обычай отделять голову у покойников (что детей, что взрослых). Этот обычай связан с почитанием головы. После смерти человека одна из душ, обитающая обычно в голове, в волосах, переходит в тело новорождённого ребёнка. Лишить человека головы - значит не дать возродиться новой душе. Об этом, в частности, в своей книге о могильнике Рёлка писала Л.А. Чиндина[52].

Весьма интересно описано явление антропоморфизации в традиционной культуре обских угров у Н.В. Золотарёвой[53]. В своей работе Золотарёва рассказывает о появления у человека ритуальной куклы, процесс которого разделён на несколько этапов на протяжении всей жизни человека (от рождения :

1 этап: согласно традиционному мировоззрению обских угров – это внутриутробное развитие. На время пребывания ребёнка в утробе матери изготавливали куклу *сос* – заменителя ребёнка. Эта кукла обеспечивала связь между ребёнком и его матерью. Кукла представляла из себя фигурку величиной с большой палец, которую изготавливала пожилая женщина из кусочка мягкой чаги, которая служила туловищем, лицо имитировала монета. Такую куколку украшали: на шею надевали бусы из бисера, прикрепляли косы[54].

2 этап: рождение и младенчество. После рождения ребёнка сос разбирали, а составные части использовали в последующих обрядах, послед хоронили. Данные действия можно

[52] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. С. 102-103.
[53] Золотарёва Н.В. Явление антропоморфизации в традиционной культуре обских угров // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 348. С. 59-62.
[54] Там же. С. 59.

трактовать как ритуал, подтверждающий переход ребёнка из «иного» мира в мир людей. Происходила смена кукол. Это говорит о том что обрядовая кукла мыслилась первой материальной формой ещё не родившегося человека и несла в себе несколько функций: связь матери и ребёнка, а так же очистительная и охранительная[55].

3 этап: детство. В этот период жизнь девочки (в основном девочки) связана с куклой. Статус девочки в будущем – хранительница очага, мать, поэтому посредством игры в ней воспитываются такие личные качества, как хозяйственность, женственность, доброта, терпение. Ухаживая за куклой-дочкой, девочка познаёт правила ухода за ребёнком. Таким образом, игра с куклой способствует выработке у девочек определённых личностных характеристик и трудовых навыков[56].

4 этап: взрослая жизнь. Данный этап связан с изображениями духов. Духи являются помощниками и оберегами в жизни людей[57].

5 этап: бытие после смерти. После смерти человека нужно было изготавливать иттэрма – вместилище реинкарнирующейся души[58].

На сегодняшний день традиция изготовления иттарма у сибирских народов реально подтверждена[59]. Религия (в частности, анимизм) продолжает играть большую роль в жизни маленьких народов. Возможно, некоторые ритуалы и их составляющие стали более простыми, синтезировались с другими религиями, но их суть осталась прежней. Вера в духов, вера в другую, «иную» жизнь, вера в реинкарнацию – всё это присутствует и сейчас.

2.2 Интерпретация роли антропоморфных личин

Как уже отмечалось, целью работы является реконструкция роли антропоморфных личин в погребальном обряде средневекового населения Западной Сибири. Изображения умерших – это самый первый, самый «прозрачный» вариант интерпретации находок, которые мы изучаем (21 артефакт). И на примере каждого памятника мы попытаемся эту версию доказать. Хотя, К.Г. Карачаров и отмечал невозможность однозначного определения функционального значения кукол, найденных на могильниках Сургутского

[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же. С. 61.
[58] Там же.
[59] Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 93.

Приобья[60]. Такой же позиции придерживается А.И. Боброва при анализе личин из могильника Бедеревский Бор-II[61].

Таёжные народы Западной Сибири не считали смерть прекращением существования человека. Смерть в их понимании рассматривалась как переход в новое состояние, в иной мир, который представлялся как нечто, сходное с земным. Отсюда необходимость помочь предку переселиться в новый мир – создание необходимых условий, снабжение всем необходимым (одежда, инвентарь, пища и проч). Умершие продолжали поддерживать связь с живущими, и эта связь не всегда была безобидной. Чтобы оградить себя от возможных неприятностей, живые сородичи принимали защитные меры (создавали вместилища душ, портили вещи, проводили очищение огнём, отсекали головы и т.д).

В Рёлке обычай погребения кукол (вместилище души умершего) подтверждается следующими фактами[62]:

1. Личины являются масками кукол. Они, по всей видимости, являлись вместилищем душ. Иногда их в одном комплексе не одно, а два и больше (личины 2 и 3).
2. Наличие миниатюрных изделий из скоплений. В этнографии подобные предметы известны именно в обряде почитания умерших предков.
3. Наличие бронзовых чаш (жертвенные чаши). Подобные были найдены в Архиерейской заимке и в Васюганском кладе. Возможно, сосуды, сопровождавшие изображения, содержали какое-то культовое питьё. Подобный обычай долго существовал у селькупов. Хотя чаши могли использовать и для других ритуальных действий. Например, как в Архиерейской заимке сжигали череп в чаше.

За то, что личины из Тимирязевского-I курганного могильника являются частью (лицом) ритуальных кукол, говорят следующие аргументы[63]:

1. Все личины имеют удлиненную шею, представлявшую собой конструктивный элемент – с его помощью они прикреплялись к органической основе.
2. Наличие миниатюрных предметов (как в случае с личинами из могильника Рёлки). Куклы имели свои вещи – миниатюрные копии вещей, которые принадлежали умершим.

---

[60] Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII-IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 49.
[61] Боброва А.Н., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор-II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 20.
[62] Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. с. 193.
[63] Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №45 (1). С. 74-81.

3. Сами скопления находились не рядом с личинами, а в насыпи, т.е. не в могиле. Возможно, в могильнике были и куклы другого типа, и им как раз и принадлежали скопления миниатюрных предметов. Только сделаны были куклы из органики, поэтому не сохранились.

К.Г. Карачаровым хоть и отмечалось, что тяжёло выявить функции кукол, найденных на памятниках Сургутского Приобья, всё же он предложил несколько интерпретаций, среди которых, разумеется, есть версия о кукле как вместилище души умершего.

Предположение о том, что погребения кукол в миниатюре копируют погребения людей, так же пока не подтверждается.

«Погребение» кукол могло ознаменовать «смерть» либо самого изображения, либо олицетворяемой им души (духа) или человека. Зафиксированное в некоторых комплексах «неестественное» положение личин – лицевой стороной к кукле, видимо, также подразумевает переход олицетворяемой сущности в другой мир, в другую ипостась.

Наличие на некоторых из личин прядей волос, по-видимому, свидетельствует о связи хотя бы этой части с конкретным лицом (человеком).

Но, возможно, эти куклы и не являлись погребальными. На этот счёт у Карачарова есть 3 версии[64]:

1. Эти изображения изготавливались иногда при рождении детей и являлись «как бы их портретом».
2. Это могли быть так называемые «божки». Изображения наделялись различным сакральным смыслом. Часть могла быть изображением умерших, часть – изображать духов и проч. Возможен вариант «канонизации» отдельных людей, перевод их в разряд духов.
3. Воины-богатыри / тонгхи. Не случайно у многих личин присутствует головной убор (скорее всего, это шлем). Каждая личина персонифицирована, и шлем как раз мог указывать на какого-то определённого человека (или соотносится с ним). В эпоху средневековья на территории Западной Сибири бронзовые личины с возможным изображением шлема стали частью транскультурного предметного комплекса. В средние века металлические шлемы, кроме защитной функции, имели ещё статусное, а также психологическое значение. Именно наличие этой детали защитного вооружения формировало образ воина, широко

[64] Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII-IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 26-52.

транслируемый в изобразительной традиции различных эпох[65]. Головной убор превращается не только в средоточие улитарного бытового комфорта, но в показатель силы, знатности, благополучия, воплощения мироощущения человека. В традиционных обществах важное значение в системе распознавания образа играл не сам портрет с его индивидуальной характеристикой, а сопровождающие эти изображения регалии, которые отображали его социальный статус. Отсюда символом богатыря-предка становились шлемы (или оружие). В своей работе о головных уборах в художественном металле кулайского времени Л.М. Чиндина приводит их своеобразную классификацию[66]. На рисунке 7 можно посмотреть, насколько разнообразными были головные уборы в кулайской культуре. В отдельную группу входят воинские шлемы, которые делятся на два типа: парадные (шлемы с различными изображениями, разнообразной формы) и шлемы для рядовой военной ситуации (без излишней пышности).

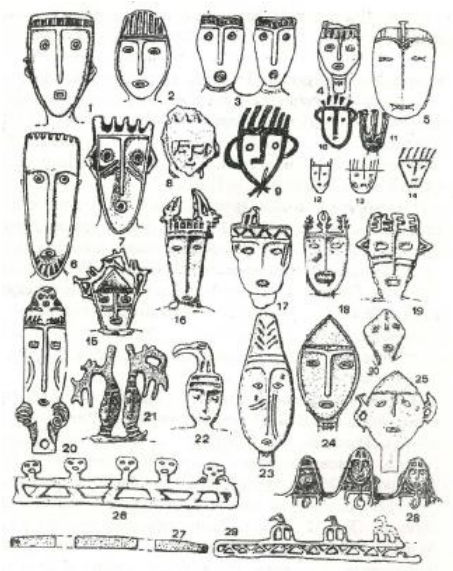


Рис. 1. Личины с головными уборами и бронзовые очелья из кулайских памятников: 1, 15, 20 – Рыбинские находки; 2, 3 – Мурлинский клад; 4, 17, 24 – гора Кулайка; 5 – колуяновская находка; 6 – Тымская находка; 7 – Васюганская находка; 8 – Степановский клад; 9, 10, 12-14 – кижировские рисунки; 11 – сборы В. Н. Чернецова; 16 – Бундюрская находка; 18 – Новообинцевский клад; 20, 23, 26 – Пирабельский клад; 22 – Кривошеинский клад; 25 – Карбинское городище; 27 – Каменный мыс, мог.; 28 – Саровское святилище; 29 – Нюрсинская находка; 30 – Степановское I поселение.

Рисунок 7 – Личины с головными уборами из кулайских памятников[67]

[65] Бордовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2015. Том 43, №1. С. 95.
[66] Чиндина Л.А. Головные уборы в художественном металле кулайского времени // Международная конференция по первобытному искусству. Т.I., Кемерово, «НИКАЛС», 1999. С. 188-195.
[67] Там же. С. 189.

Личины из могильника Бедеревский Бор-II тоже, скорее всего, относятся к категории погребальных кукол. Но разнообразие антропоморфных изображений, позволяющее по-разному их интерпретировать, и существующая разветвлённая, иерархическая система многочисленных духов не способствует однозначному определению места металлических личин из могильника. Но сам факт наличия их в некрополе свидетельствует об отношении к этим личинам как к изображениям умерших обычного человека и, возможно, духа-предка или шаманского духа[68].

Эти личины отличаются от личин раннего средневековья. Они сделаны из другого материала. Если предыдущие антропоморфы были сделаны из бронзы и дерева, то для этих личин использовалась свинец и жесть. Для шаманского мировосприятия вышеуказанные металлы, как и серебро, являлись символом среднего и нижнего миров, ночного светила и ночи. Желтые металлы – символ солнца, небесного огня (медь, бронза, латунь, олово). Для лиц кукол использовался светлый металл.

Металлам вообще придавалось довольно большое значение. Уже с ранних времён существовали популярные легенды, связанные с древними обитателями Зауралья и их богами. Одна из них повествует о «чуди белоглазой», оставившей после себя бронзовые изображения своих вождей, а также клады золотой и серебряной утвари[69]. Вторая легенда относится к Золотой бабе[70].

Личина, которая была найдена одна, скорее всего представляла собой вместилище души умершего и была похоронена вместе с покойным. Личины, которые были найдены рядом, относятся к категории шаманских духов-покровителей или помощникам шамана. Эту версию так же подтверждает наличие в некрополе шаманского погребения[71].

Таким образом, можно сказать, что все личины, которые мы анализировали, относятся к категории ритуальных кукол, а именно, погребальной куклы «иттарма» как вместилище души умершего. Конечно, как мы видели, существуют и другие теории интерпретации, и сомнения в пользу главенствующей версии. Но в большинстве своём на это указывают археологический контекст нахождения личин и этнографические аналоги. Подобный обычай у сибирских малочисленных народов встречается и по сей день.

---

[68] Боброва А.Н., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор-II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 20.
[69] Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 3.
[70] Там же.
[71] Боброва А.Н., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор-II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги можно сказать о том, что была проделана кропотливая и продуктивная работа. Те цели и задачи, которые были поставлены, полностью были выполнены. Целью работы являлась реконструкция роли антропоморфных личин в погребальном обряде средневекового населения Западной Сибири. Каждая выполненная задача подводила к раскрытию этой роли. Да, конечно, нельзя достоверно и с большой уверенностью утверждать те выводы, которые получились в результате исследования. Хоть это самые разумные и близкие по смыслу интерпретации, но, как уже отмечалось в описываемых главах, тяжело выявить функции исследуемых личин.

Одна из первых задач работы состояла в анализе археологического контекста антропоморфных личин. Он позволил подробно изучить место нахождения артефактов. Сопроводительный инвентарь, место нахождения в самой могиле, наличие погребённого или его отсутствие позволило ответить на некоторые вопросы: принадлежали ли обнаруженные предметы непосредственно личинам? Или у этих предметов был другой владелец? Где именно были обнаружены личины – непосредственно на глубине могилы или в насыпи? Если на глубине, то это говорит о том, что кукла (к которой принадлежала личина) была захоронена вместе с человеком. Если личина была обнаружена в насыпи – то, возможно, её подхоронили после того, как был захоронен умерший. Это обстоятельство позволяет с разных сторон взглянуть на интерпретацию роли обнаруженных личин.

Немаловажной задачей было картографирование памятников. Это дало нам возможность посмотреть ареал распространения антропоморфных личин, а так же среду обитания носителей той культуры и их соседей, к которой принадлежали исследуемые находки. Не исключена возможность определённых миграций, культурного влияния и синтеза одного народа на другой.

Создание каталога антропоморфов позволило систематизировать полученные данные, сделать анализ нагляднее. Каталог представляет из себя таблицу с соответствующими именными колонками: «порядковый номер», «изображение», «материал», «параметры», «особенности», «сопроводительный инвентарь», «погребённый», «отношение с телом умершего». По каталогу шло сравнение находок, и делались определённые выводы. Безусловно, для выдвижения тех или иных гипотез полностью опираться на каталог невозможно. Но он упрощает задачу, когда, например, нужно сравнить личины из могильников Рёлка и Бедеревский Бор-II. По каталогу можно

посмотреть и выявить общее и различное, что даёт повод так или иначе интерпретировать роль антропоморфов.

Самой сложной задачей был анализ функции антропоморфных личин в этнографической действительности. Несмотря на то, что сибирские народы похожи по своему культурному и социальному уровню, у каждого есть свои особенности. Наличие уникальной мифологии и мировосприятия того или иного народа затрудняют однозначно высказываться в отношении определённой интерпретации. Различные наименования одного и того же предмета (или явления), многообразие духов и божков, различное осмысление и исполнение ритуальных практик – всё это даёт вереницу всевозможных версий и догадок.

Но, не смотря на все сложности, ответы на интересующие нас вопросы были найдены. И самый главный вывод состоял в том, что все личины являются частью ритуальной куклы – «иттарма» - вместилище души умершего, традиция использования которой имеет глубокие корни и продолжает жить до сих пор.

Работа не ограничена теми целями и задачами, которые были поставлены. Исследование можно расширить. Как уже говорилось в главе 1, работа ограничена территориальными, хронологическими и типологическими рамками. Разумеется, можно взять более крупный ареал распространения подобных находок. Можно исследовать другие виды археологических памятников (жилища, городища, случайные находки и др). Человек в культуре представлен в самых разных образах. И антропоморфы не ограничиваются только личинами. Большую группу находок составляют такие артефакты, как фигуры человека, наскальные изображения, изображения на украшениях, сложные изображения и т.д. И такие «наброски» дают тему для будущих размышлений.

Ещё одной темой для возможной будущей работы является роль ритуальной куклы в современной этнографической действительности. В современном мире маленькие народы продолжают исповедовать разные формы религии, в том числе и анимизм (который, естественно, трансформировался под современные реалии). И весьма интересно было бы изучить современных ритуальных кукол. Какой материал используется для них, кто изготавливает таких кукол, насколько упростились или, может быть, наоборот, усложнились ритуалы и практики. Может быть, появились новые духи? Как выглядят современные шаманы, и что они используют для обозначения своих духов-помощников? Возможно ли самому изготовить подобную ритуальную куклу (например, кукла-дух помощник)? Практическая составляющая этой, возможной, работы представляется весьма интересной.

Метод, который использовался в работе, этноархеологический. Этноархеология –

это поиск в живой этнографической действительности моделей, объясняющих археологические реалии. Т.е. это не просто параллели, а модели поведения. Этнографические данные помогли в определение интерпретации роли антропоморфов.

Основной вывод, который был сделан на протяжении всей работы, следующий: все 21 личина являются частью ритуальной куклы. Это подтверждает археологический контекст каждой личины, наличие сопроводительного инвентаря, этнографические данные. Скорее всего, есть и другие варианты решения поставленной цели, но все собранные данные указывают на ту версию, которая была описана. Возможно дальнейшее раскрытие работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987.
2. Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 160с.
3. Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. Том 1, № 17. – С. 89-102.
4. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 1983. – 244 с.
5. Боброва А.И., Торощина Н.В. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор-II / А.И. Боброва, Н.В. Торощина // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №2 (22). – С.18-22.
6. Бородовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2015. Том 43, №1. С. 92-96.
7. Бочаров А.В. Основные научные методы в историческом исследовании. Учебное пособие. Томск. 2006. 190 с.
8. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири . Спб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.
9. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом, и Космос. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 232 с.
10. Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / Отв. ред. В.И. Молодин. – Омск: Издательский дом «Наука», 2003. – 72 с.
11. Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. - № 45 (1). – С. 74-81.
12. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Грунтовое погребение Тимирязевского-I курганного могильника с комплексами миниатюрных предметов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. № 434. – С. 113-118.
13. Западная Сибирь в эпоху средневековья: Сб. статей. / Ред. Л.А. Чиндина. – Томск. Изд-во Томск. ун-та. – 1984. – 218 с.

14. Золотарева Н.В. Изображение умерших в традиционной культуре обских угров: вещность и знаковость / Н.В. Золотарева // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №351. – С.62-66.

15. Золотарева Н.В. Изображения духов у обских угров и самодийцев // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 170-173.

16. Золотарева Н.В. Явление антропоморфизации в традиционной культуре обских угров // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. № 348. – С. 59-62.

17. Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинамиVIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

18. Корнеева Ю.С. О происхождении и семантике погребальных масок таштыкской культуры //Альманах современной науки и образования. – Изд-во «Грамота», 2009. - №1 (20). В 2х ч. Ч. II. С. 95-99.

19. Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты // отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – М. : Наука, 2005. – 805 с.

20. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. - 1993. - №3. – С. 78-93.

21. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.– Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – 475 с.

22. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. – М., 1997. – 279 с.

23. Сурков Д.А. Амулеты и обереги в контексте магических представлений аборигенных народов Западной Сибири / Д.А. Сурков // Вестник Томского государственного университета. – 2012. - №362. – С. 100-103.

24. Фёдорова Е.Г. Изображения умерших у современных северных манси // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 315-317.

25. Фёдорова Е.Г. Представление о смерти, мире мёртвых и погребальный обряд обских угров // Мифология смерти: структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этнографические очерки. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 198-219.

26. Фрейзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. – М.: Академический Проект, 2012. – 854 с. – (Философско-антропологические технологии).

27. Чиндина Л.А. Головные уборы в художественном металле кулайского времени // Международная конференция по первобытному искусству. Т.I, Кемерово, «НИКАЛС», 1999. – С. 188-195.

28. Чиндина Л.А. Древние личины из Васюганья // СА. – 1971. – № 4. – С. 233–236.

29. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 183 с.

30. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 193 с.

31. Шапов В.А. Атрибуты шаманства Сибири: формирование по археологическим источникам // Вестник Омского университета. – Омск, 2004. №1. – С. 72-75.

32. Шапова П.И. Новые комплексы с антропоморфными личинами из Тимирязевского-I курганного могильника // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодёжной научной конференции. – Томск, 2015. Вып. 11, т. 2. С. 551-553.

33. Шнирельман В.А. Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить»: Сборник материалов / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 141-152.

34. Яковлев Я.А. В копилку урало-сибирской художественной металлопластики железного века // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Вып. 2 Томск ; Ханты-Мансийск, 2004 Вып. 2. С. 91-124.

35. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1984. 255 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1 - Каталог антропоморфных личин Западной Сибири эпохи средневековья[72]

№	Изображение	Материал					Параметры				Особенности						Сопроводительный инвентарь							Погребённый			Обращение с телом умершего	
		бронза	железо	дерево	свинец	жесть	высота	ширина	масса	шея / стержень	литьё плоское, одностороннее	головной убор / шлем	орнитоморфное / зооморфное навершие / изображение	татуировки / насечки	является частью куклы	«линия жизни»	керамика	украшения	бытовые предметы	оружие	изображения	миниатюрные предметы	кости животного	мужчина	женщина	ребёнок	кремация	трупоположение
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ *Могильник Рёлка (VI-IX вв)*																												
1		+									+			+		+												

[72] Каталог создан автором на основе анализа исследуемых артефактов.

2		+								+	+	+				+	+	+	+	+	+						+	
3		+								+		+				+	+	+	+	+	+						+	
Тимирязевский-I курганный могильник (V-VIII вв)																												
4		+					5,9 см		18 гр	2,2 см	+	+		+		+	+					+			+			

5		+					4 см		7 гр	1,3 см	+			+		+												
6		+					3,8 см		6 гр	1,2 см	+					+	+							+				
7		+					4,7 см		10 гр	0,9 см	+	+		+			+		+	+				+	+			

8		+					5,6 см		6,8 гр	1,8 см	+		+	+		+			+		+	+				+		
9		+					4,7 см		11 гр	0,5 см	+		+	+		+				+		+				+		

Сайгатинский-III курганный могильник (VIII-IX вв)

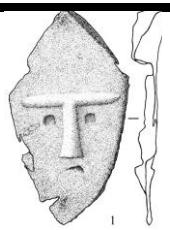
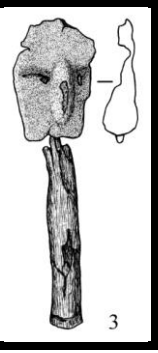
10		+					6,3 см	3,8 см		+	+	+			+			+			+							
11		+					8,5 см	5,7 см		+	+	+			+			+										
12				+			6,1 см	3,2 см		8,1 см		+			+													

13		+					8,1 см	4 см		+	+	+			+			+										
14		+					8,5 см	4,5 см		+	+	+			+			+			+							
15		+					6,3 см	3,6 см		+	+	+			+			+										+

16				+			6,7 см	4,4 см		2,7 см		+			+			+										+
Барсов городок (Барсовский-I) (VIII-IX вв)																												
17		+					6,1 см	3,8 см		+	+	+									+				+			
18				+																						+		

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Могильник Бедеревский Бор-II (XVII – первая половина XVIII вв)

19					+	10 см				+													+				+
20					+	6,5 см																	+				+
21				+		3,5 см	2,5 см		6 см						+		+		+				+				+

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Карта памятников Западной Сибири[73]

[73] Карта создана автором на основе изучения данных об антропоморфных личинах.

(/index.php/ru/) (/index.php/en/)

Exactus Like (/index.php)

Поиск заимствований в научных текстах β

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран... Выбрать файл...

Укажите год публикации: 2019

Выберите коллекции

Все

Рефераты Википедия Российские журналы

Авторефераты Российские конференции Энциклопедии

Иностранные конференции Иностранные журналы Англоязычная википедия

PubMed

Анализировать

Проверить по расширенному списку коллекций системы Руконтекст (http://text.rucont.ru/like)

Обработан файл:

Целева Полина Ивановна, гр. 031506 ВКР Антропоморфные личины в погребальном обряде населения Западной Сибири в эпоху средневековья.docx.

Год публикации: 2019.

Оценка оригинальности документа - 93.78%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 6.22%

Просмотр заимствований в документе

Время выполнения: 25 с.

Документы из базы

Источники заимствования	В списке литературы	Источники Заимствования
1. Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II (http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfnye-lichiny-iz-mogilnika-bederevskiy-bor-ii) Авторы: Боброва Анна Ивановна, Торощина Наталья Витальевна. Год публикации: 2013. Тип публикации: статья научного журнала. http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfnye-lichiny-iz-mogilnika-bederevskiy-bor-ii (http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfnye-lichiny-iz-mogilnika-bederevskiy-bor-ii) Показать заимствования (21)		4.36%

2. Антропоморфизация в традиционной культуре обских угров (http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfizatsiya-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov)

Авторы: Золотарева Наталья Владимировна.
Год публикации: 2012. Тип публикации: статья научного журнала.
http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfizatsiya-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov (http://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfizatsiya-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov)
Показать заимствования (6)

1.15%

3. Явление антропоморфизации в традиционной культуре обских угров (http://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-antropomorfizatsii-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov)

Авторы: Золотарёва Наталья Владимировна.
Год публикации: 2011. Тип публикации: статья научного журнала.
http://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-antropomorfizatsii-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov (http://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-antropomorfizatsii-v-traditsionnoy-kulture-obskih-ugrov)
Показать заимствования (6)

1.01%

4. Теория ядра. Возникновение цивилизации на Урале. Аркаим. (http://limej.ru/index.php/home/126-stat/49390-Teoriya_yadra_Vozniknovenie_tsivilizatsii_na_Urale_A.html)

Год публикации: 2016. Тип публикации: реферат.
http://limej.ru/index.php/home/126-stat/49390-Teoriya_yadra_Vozniknovenie_tsivilizatsii_na_Urale_A.html (http://limej.ru/index.php/home/126-stat/49390-Teoriya_yadra_Vozniknovenie_tsivilizatsii_na_Urale_A.html)
Показать заимствования (4)

0.56%

5. Реферат: Теория ядра. Возникновение цивилизации на Урале. Аркаим. (http://www.bestreferat.ru/files/03/bestreferat-56703.docx)

Год публикации: 2016. Тип публикации: реферат.
http://www.bestreferat.ru/files/03/bestreferat-56703.docx (http://www.bestreferat.ru/files/03/bestreferat-56703.docx)
Показать заимствования (4)

0.56%

6. Теория ядра. Возникновение цивилизации на Урале. Аркаим. (http://mobiro.org/downloads/sociologija/140925.zip)

Год публикации: 2016. Тип публикации: реферат.
http://mobiro.org/downloads/sociologija/140925.zip (http://mobiro.org/downloads/sociologija/140925.zip)
Показать заимствования (4)

0.56%

Дополнительно

Значимые оригинальные фрагменты

Библиографические ссылки

Искать в Интернете

© 2015 2019 Институт системного анализа Российской академии наук (http://www.isa.ru/index.php?lang=ru)